

Звёзд с неба Ильин не хватал. Ему вообще ни разу не удалось ухватить чего-нибудь особенного, кроме, разве что, Катцыной. Острая фамилия, носик острый, тонкая какая-то вся, неуловимая. А поди ж ты, Ильину в руки далась.

Он всё переживал, что досталась она ему по ошибке, и утешал себя, рассуждая так: если долго было очень-очень плохо, по закону равновесия когда-то должно случиться что-то замечательное. Верил Ильин во вселенскую справедливость, но всё же пугался внезапной щедрости небес к нему, средней руки человеку, тихо сидящему в кабинете с двумя сослуживицами. Но за Катцыну высшие силы только благодарить. Цветные ноготки, сетчатые колготки, дивное диво, составленное из флакончиков, сумочек, помад, пудры, кисточек, щёточек и коробушек. Если у Ильина оставалась на ночь, то вечером, перед сном, раскладывала свои вещички ровными рядами, похожими на длинный патронташ. Щёлкала застёжками, вжикала замками, а потом замолкала у зеркала, гипнотизируя сама себя внимательным взглядом и растирая колдовские зелья от середины лба к вискам.

Наведя ночной, а после утренний морок, Катцына скручивала боезапас и уезжала – чуть раньше, чем Ильин. Работали они на одном этаже – Катцына в кадрах, а Ильин в бухгалтерии. Роман свой водили тайно, кивали друг другу, встречаясь в коридоре, и расходились в разные стороны, как чужие. Ильину от такой секретности в солнечном сплетении становилось щекотно и сладко, а что творилось внутри у Катцыной, никому не было ведомо.

А когда Ильину дана была отставка, а Катцына стала здороваться с начальником отдела планирования, мир окутала тоска. Вселенская справедливость торжествовала, и ясно было одно – вот это появившееся и ушедшее счастье звездой будет сиять на одной чашке весов, а всё, что осталось, и что будет после, пыльным комком осядет на другой.

Пока вселенная приводила свои дела в порядок, Ильин шёл по улице совсем один. Потеплело. Прохожие расстёгивали куртки и распускали удавки шарфов, отдуваясь и краснея. Ильин тоже распахнулся, подставляя грудь весеннему ветру – пусть выдует всё горькое и лежалое. Но ветер справлялся плохо, Ильин уселся на скамейку и спрятал лицо в ладони, стесняясь чужих взглядов, но не в силах открыть дрожащее, обнажённое, обиженное лицо.

– А за городом сейчас хорошо.

Женский голос – самый обычный, ровный и спокойный, зазвучал у левого плеча Ильина так неожиданно, что он поперхнулся непролитыми слезами и поднял голову.

Девушка сидела рядом, смотрела на него без всякого сочувствия, но с любопытством. Она была удивительно непохожа на Катцыну – ни ярко выкрашенных ногтей, ни разглаженной до блеска чёлки, ни обведённых чёрной дымкою глаз.

– Мне одной как-то скучно по лесу бродить. Может, вы со мной погуляете? – спросила незнакомка.

Сначала Ильин подумал, что это мошенница, мечтающая заманить его в укромное место и ограбить, и даже

представил, как выскакивают перед его лицом угрюмые твердолицые крепыши с ножиками в руках. А после полицейские вывешат у дежурной части, на той самой, страшной доске с непойманными преступниками и ненайденными мертвецами нечёткую копию и его фотографии, а Катцына пойдёт мимо и даже не признает. Потом Ильин решил, что спрячутся где-то за спиной девушки весёлые операторы, с ног до головы вооружённые камерами и микрофонами, и скоро его покажут по телевизору с вытаращенными от изумления, глупыми глазами. А Катцына увидит и скажет начальнику отдела планирования: «Всегда знала, что он придурок». И размажет по щекам зеленоватый вечерний крем.

Прищурившись, Ильин огляделся по сторонам. Ни крепышей, ни микрофонов поблизости не было видно. «Ну и пусть!» – подумал он про себя, а вслух сказал:

– Почему бы и нет.

Неповоротливый, тяжёлый автобус, пыхтя, взбирался в гору. Ильин, смущаясь, смотрел в окно. Ему было стыдно – и от собственного молчания, и от невозможности вымолвить хоть что-нибудь. Его неожиданная спутница тоже ничего не говорила, но никакой неловкости не испытывала и поглядывала на окружающих с каким-то странным, тёплым интересом, словно все находящиеся рядом люди были собраны здесь нарочно, для её развлечения.

Выйдя из автобуса на конечной остановке, Ильин поёжился – за городом было куда прохладнее. Шагая за незнакомкой по узкой тропинке, он смотрел на её скромное клетчатое пальто и вспоминал катцынские шубки – коротенькую, из выкрашенного в сиреневый цвет кролика, и длинную, из нежного белого бобра. Катцына так хотела заполучить третью – что-нибудь из соболя... К соболям уже готовы и замшевые высокие сапожки, и толстые браслеты, и звонкие кольца. И сама Катцына уже давно готова нести переливчатый меховой кокон, небрежно наброшен-

ный на плечи. Но что-то не складывалось в её жизни, и никак не получалось у неё попасть, куда хочется, нарядившись, во что мечтается.

– Меня Аля зовут, – не оборачиваясь, сказала девушка, и Катцына, сверкнув драгоценным холодным огоньком, на время унеслась из мыслей Ильина. – Я раньше частенько тут бывала, – Аля замедлила шаг, поравнялась с Ильиным и взяла его под руку. – У меня был колчан со стрелами и накладные уши.

– Уши? – переспросил Ильин.

– Ну да. Треугольные такие, эльфийские. И зелёный плащ.

Она остановилась, сошла с тропинки на ржавую прошлогоднюю хвою и потянула за собой Ильина. Ещё не отошедшие от недавних холодов сосны тянулись к бледному небу настороженно и безучастно. Ильину стало неудобно, захотелось вернуться в город, к автомобильному шуму и толпе, тонким асфальтовым трещинам и светлым квадратам окон.

У поваленного дерева с тёмной, отсыревшей, мёртвой корой Аля остановилась.

– Далеко не пойдём. Вам и так не по себе. Давайте здесь посидим и обратно. Мне просто поговорить очень хотелось, и в лес. Садитесь. – И она похлопала черной вязаной перчаткой по погибшему стволу.

– Только представьте, – продолжила она, – какая я была потешная ещё лет пять назад! Отправлялась сюда совсем одна, носилась между деревьями так, чтобы плащ непременно развевался. Однажды целую семью напугала. Мама, папа и ребёнок – девочка лет десяти. Идут себе, гуляют, а тут я выпрыгиваю с луком. Взрослые меня обругали, а девочка заплакала и кричит: «Это же эльф! Эльф! Только почему такой некрасивый!». Тут уж мне плакать захотелось.

Ильину захотелось сказать что-нибудь утешительное, но он промолчал. Катцына таких, как Аля, обзывала

грызунами и очень смешно передразнивала, дёргая носиком и складывая руки в блестящих кольцах на манер хомячиных лапок.

Как ни мало был одарен красотой Ильин, женское очарование он считал само собой разумеющимся и обязательным условием для счастья. И теперь сочувственно разглядывал Алино лицо – маленький подбородок, высокий, слишком обнажённый лоб, слабые, мягкие щёки. Даже волосы её были убраны без всяких ухищрений – заколками, похожими на тонкие чёрные палочки. Ильин помнил, что в его детстве девочки звали такие невидимками.

– Как хорошо, что вы сейчас ничего не сказали, – улыбнулась ему Аля. – А то обычно люди сразу жалеть меня принимают, и ляпают что-нибудь чудовищное, вроде того, что я зато человек хороший. Или причёску сменить советуют, платье купить новое.

Она вздохнула.

– А мне совсем не об этом поговорить с ними хочется. Ну, какое платье, скажите на милость, если столько всего кругом. Вот, например, отчего мне всегда так жалко мальчиков лет девяти-десяти? Они в школу идут или из школы, совсем одни, худенькие, с этими своими огромными рюкзаками, а лица прямо ангельские – бледные, серьёзные, даже испуганные немного. А ещё – видели когда-нибудь, как женщины посуду моют-моют или что-то там по хозяйству хлопчут, а потом улыбнутся легонько, застынут, задумаются, смотрят в одну точку и глаза у них такие становятся странные, словно они сквозь мир смотрят.

Или вот – замечали? – если домой вернёшься не вовремя, не вечером, как должна была, а, допустим, в обед, то все вещи – и мебель, и посуда – с недоумением тебя встречают, и такое чувство, словно бы и не домой вернулась, а куда-то в чужое, незнакомое место. Или – знаете? – бывают летом такие дни, когда тучи толстые, серые, как тёплое одеяло, всё небо укутают, а дождя пока нет. А ты шагаешь где-нибудь по аллее, голову поднимешь, а листья на дере-

вьях до того зелёными кажутся – по сравнению с этим серым небом, что даже глазам больно. А ещё такое случается – целый год ходишь мимо человека каждый рабочий день, кроме субботы и воскресенья; и каждый раз, когда его встречаешь в коридоре, или на лестнице, или у лифта, улыбаешься и хочешь поздороваться, а он тебя словно бы не видит, и от этого ты чувствуешь себя так странно, что хочешь к зеркалу подбежать и убедиться, что существуешь. И фамилию его услышишь - Ильин, и имя - Андрей, и даже в столовой рядом посидишь, узнаешь, что он кашу любит, а макароны терпеть не может. А потом идёшь с работы, а он сидит на скамейке и чуть не плачет. И, представляете, мне не жалко его стало, а очень любопытно – что же такое произошло, что он может страдать вот так, прямо на улице; если даже я сама всегда дотягиваю до дома – всю дорогу держусь, и только перед подъездом горло перехватывает и давит, а глазам горячо, но слёзы будут, только когда зайду в тёмный коридор и двери за собой закрою. Тут можно и поплакать, и даже свет не включать, чтобы себя саму ненароком не увидеть...

Ильин слушал Алю сначала с недоумением, потом с теплотой, а потом с испугом. Совершенно невыносимой показалась ему эта мысль – оказывается, рядом с ним всё это время жил и дышал кто-то искренний, настоящий. И Алино лицо – такое открытое, не пытающееся казаться, а существующее просто так, без маски, тут же показалось ему знакомым и родным.

Он понял каждое слово, сказанное ею – и про мальчишек, и про яркую зелень в пасмурный день, и про домашние вещи, живущие в отсутствие хозяев своей собственной, загадочной жизнью. И вспомнил, вспомнил её клетчатое пальтишко, мелькающее рядом в толпе, обречённо втягивающейся в длинную свечку многоэтажного офиса по утрам и радостно льющейся на волю вечером.

Вдруг Ильин почувствовал облегчение: вот же, прямо здесь и сейчас судьба предложила ему раз и навсегда

избавиться от боли и тоски – стоит только взять за руку этого тёплого мышонка и слушать, слушать, слушать, а потом говорить, говорить, говорить. И тогда мир упростится и сузится - из огромной вселенной, капризничавшей с задачей радости, превратится в чистое, честное место, и не нужно будет больше ничего бояться, потому что бояться будет нечего.

Ильин закрыл глаза, потом открыл их и улыбнулся Але.

– Давай обратно? – спросил он у неё, – в городе и поговорим.

Подниматься к нему на четвёртый этаж Аля не захотела – сказала, что у неё кружится голова, и хочется побыть на воздухе. Ильин уже придумал, что будет вечером: сначала нагуляться всласть, а потом перекусить где-нибудь или в кино сходить. Времени было навалом – пятница, и завтра никуда не нужно спешить, и можно всё-всё Але рассказать, а она обязательно найдёт, что ответить.

Он поглядывал на неё сверху вниз и размышлял, отчего это она так хмурится – ведь ещё пару часов назад, в автобусе, улыбалась всему вокруг.

Усадив Алю на скамейку у подъезда, он взлетел по лестнице – нужно было оставить дома портфель и сменить пальто на куртку потеплее.

Катцына стояла у двери его квартиры и смотрела с укоризной, храня на лице то самое выражение, что всегда вводило его в трепет: неподвижное, словно замороженное. Она как-то объясняла Ильину, что минимум мимики в будущем гарантирует ей отсутствие морщин, но ему казалось, что она и родилась такой – мучительно, притягательно бесстрастной.

При одном лишь взгляде на неожиданную гостью обжигаящая надежда затопила Ильина от макушки до пяток. Вернулась! Соскучилась! Поняла, что никак без него! Одна лишь секунда, сверкающая как звёзды той самой, справед-

ливой вселенной, готовой прямо сейчас возвратить Ильину его счастье и не отбирать больше никогда, пронеслась и пропала – от произнесённых Катцыной слов.

– Где ты шарисься, а? Я у тебя на прошлой неделе помаду забыла. Верни, пожалуйста, и побыстрее, меня ждут.

Катцына и вправду потеряла один патрон из своего боевого запаса – блестящий цилиндрик Ильин нашёл под ванной в прошлое воскресенье и так сильно сжал в кулаке, что пластмасса треснула, а красная, ароматная, густая помадная жижа окрасила его ладонь как кровь.

Он смотрел на Катцыну и вспоминал то упоительное чувство вседозволенности, покорения целого мира – при сближении с ней. Райская птица в цветном оперении, чудо тела, волос и глаз, отточенность, безупречность красоты – ошеломляющая, только что недоступная и вдруг покорная. Говорящая – с ним, спящая – рядом, целующая – его!

– Ну? – холодно спросила Катцына, – что стоишь, открывай и ищи.

– Я её выбросил, – прошептал Ильин, – слушай, а ты прямо точно решила, что всё?

– Дурак, – отрезала Катцына, – она такая дорогая! Всё, я пошла. Всё.

Ильин открыл дверь и вошёл в душноватый полумрак пустой квартиры. Не снимая ботинок, прошёл на кухню и налил в стакан воды, пил большими глотками, стараясь избавиться от твёрдого, болезненного спазма в глубине гортани. Кто-то говорил ему недавно о сжимающемся горле... Кто? А... Аля... Не зажигая света, он выглянул в окно.

Катцына, уверенно вгоняя острые каблуки в асфальт, бежала к длинному чёрному автомобилю, отражающему в своём полированном туловище зажжённые фонари. Скамейка у подъезда была пуста.